

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Л.З. Зевин

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
ЕВРАЗИИ XXI века

Москва 2015

Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века: Научный доклад. Москва.: Институт экономики РАН, 2015. – 40 с.

ISBN 978-5-9940-0552-1

В докладе анализируются радикальные сдвиги в системе международных экономических отношений на рубеже тысячелетий, реакция международных регионов на вызовы глобальной эпохи, на смену драйверов экономического роста (от доминирования развитых стран и глобальных процессов к странам развивающимся, с нарождающимися рынками и региональными движениями). Утверждается, что XXI век будет веком конкурирующего регионализма – основа многополярного мира. Показано влияние этих изменений на обустройство экономического пространства Евразии, специфику и характер интеграционных объединений, лимиты и перспективы их развития в контексте мирового опыта и пояса соседства. Обоснована историческая необходимость России стать инициатором и лидером региональной интеграции, ее ответственность за защиту интересов и безопасности всего региона Евразии. Предложена система оценки начального периода интеграции ЕАЭС, позволяющая следить за прогрессом этого интеграционного проекта.

Ключевые слова: глобализация, фрагментация, региональная интеграция, критерии эффективности региональной интеграции

Классификация JEL: F15, F6, O57, R11

© Зевин Л.З., 2015

© Институт экономики РАН, 2015

Оглавление

Глава I. Меняющаяся структура международных экономических отношений	4
Глава II. Евразийское экономическое пространство в контексте мирового опыта	13
Глава III. О показателях эффективности региональной экономической интеграции	35
Литература	39

Глава I. Меняющаяся структура международных экономических отношений

Одна из главных характеристик современного мирового хозяйства – возросшая нестабильность, частые кризисы глобального, регионального и странового масштабов. На наш взгляд, отличие кризисов XXI в. во многом объясняется меняющейся структурой международных экономических отношений, упрощенным пониманием существа процессов экономической глобализации, характера взаимодействия в цепи «глобализм – регионализм – национальная экономика – локальное образование», а также недостаточным вниманием к таким новым явлениям, как «мегарегионализм», «межрегионализм» и «трансокеанические интеграционные проекты».

До начала нынешнего тысячелетия мировое хозяйство развивалось по схеме «регионализм – глобализм – регионализм». Бурное развитие глобализма разрушило сложившуюся систему из-за огромных различий потенциалов взаимодействующих сторон. Для обеспечения нормального функционирования системы международных отношений возникла потребность в создании новых звеньев, которые защищали бы региональные конструкции, во-первых, и обеспечили более мягкое функционирование подверженной частым кризисам рыночной системы мирового хозяйства, во-вторых.

Новая система международных экономических отношений представлена схемой «глобализм – межрегионализм – мегарегионализм – национальное хозяйство – локальное образование»¹.

Глобализм превратил мировую экономику в глобальную, в которой функционируют международные финансовые и товарные биржи, две конвертируемые валюты обслуживают, напрямую или косвенно, подавляющую часть торгового оборота и инвестиционных сделок, ТНК, международные

1. Локальное образование включено в схему, так как сейчас значительная часть инноваций создается на этом уровне в малых и средних предприятиях, которые способны встраиваться в страновые, региональные, и даже глобальные, производственные и сбытовые сети.

производственные и сбытовые сети, правила ВТО. Все чаще высказываются мнения о снижении роли государства в экономике.

Однако было бы неправильным ограничить анализ сложившейся модели глобализации обращением только к объединительным сторонам процесса. Параллельно с ними идут не менее интенсивные тренды фрагментации, порожденной двумя причинами.

Во-первых, развитый сектор мирового хозяйства (центр) – инициатор глобализационного проекта не мог дальше поддерживать динамику экономического роста без выхода за пределы своих перенасыщенных рынков. До краха колониальной системы несколько империй как-то управляли этими процессами. Появление десятков новых государств начало ослаблять сложившиеся порядки. Особенно мешали крупные страны, поэтому их поделили таким образом, что они погрязли в серии расовых, этнических, племенных и религиозных конфликтов и пограничных войн. Немалый вклад в фрагментацию национальных экономик внес развал Советского Союза и мировой социалистической системы, приведший к возникновению около 25 новых государств. Более чем удвоение числа национальных экономик с середины прошлого века превратило фрагментацию во вторую доминирующую тенденцию мирового хозяйства.

Во-вторых, возникшая биполярная схема «глобализация – фрагментация» наряду с фрагментацией национальных экономик распространяется на региональный, и даже межрегиональный, уровни. Происходит разрушение однополярного мира и ослабление гегемонии развитого сектора глобальной экономики. В регионах возникают интеграционные объединения, экономические районы различного формата, формируются центры экономической мощи, создающие вокруг себя новые гравитационные поля.

Взаимодействие разнонаправленных процессов – глобализации и фрагментации – возвращает мир в новую биполярную реальность, которая служит экономической основой формирующейся новой системы многополярного мира.

Принципиально новым событием XXI в. стало смещение вектора импульсов экономического роста в сторону периферии – стран развивающихся и с нарождающимися рынками. Почти до последнего десятилетия прошлого века развитый сектор оставался главным и почти единственным

центром экономического роста мира. Но сейчас картина начинает меняться (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста ВВП международных экономических регионов, %

Группы стран, регионы	2003	2007	2011	2013
Мир	3,8	5,3	3,9	3,0
Развитые	2,1	2,7	1,7	1,3
Еврозона	0,7	3,0	1,5	-0,4
НИС Азии	3,2	5,9	4,0	-
Развивающиеся и с нарождающимися рынками	6,4	8,7	6,2	4,7
Центральная и Восточная Европа	4,8	5,4	5,4	2,5
СНГ	7,7	8,9	4,8	2,1
Развивающиеся страны Азии	8,6	11,5	7,8	6,5
АСЕАН-5*	5,8	6,2	4,5	5,0
Латинская Америка и Карибы	2,1	5,7	4,6	2,6
Ближний Восток и Северная Африка	7,0	5,9	3,9	2,4
Африка к югу от Сахары	4,8	7,1	5,5	5,1

* *Источники:* составлено по данным IMF. World Economic Outlook Database. 2013 Oct. and 2014. Jan. // <http://www.imf.org/>.

Аналогичный тренд наблюдался в мировой торговле. В период 2005–2012 гг. среднегодовые темпы роста товарного экспорта развитых стран составили 6%, развивающихся – 13% и наименее развитых – 16%. Доля развитых стран в мировом экспорте сократилась на 11% – с 67 до 56%, развивающихся выросла на 10% – с 29 до 39%, а наименее развитых, несмотря на высокие темпы роста, но крайне низкие стартовые показатели, осталась в рамках статистической погрешности – на уровне 1%².

Существенные изменения в структуре мировой торговли и различия в темпах роста ВВП международных экономических регионов меняют архитектуру межрегиональных отношений.

Анализ данных в табл. 1 и 2 позволяет сделать несколько выводов о характере изменений в мировом хозяйстве и торговле. В обеих сферах четко

2. Составлено по: www.wto.org/english_e/world_region_export_12_epdf

прослеживается наличие двух групп стран с разнонаправленными показателями. Доля развитого сектора в мировом ВВП и международной торговле снижается из-за более низкой динамики этих важнейших показателей глобальной экономики. В новом столетии рост как мирового ВВП, так и международной торговли будет обусловлен более высокими показателями стран развивающихся и с нарождающимися рынками.

Таблица 2

Среднегодовые темпы роста экспорта, уровень экономической консолидации международных регионов и их позиции в мировой торговле, %

Регионы	Темпы роста	Экономическая консолидация*	Доля в мировом экспорте	
	2005–2012	2005–2012	2012	2005
Европа	6	73–69	37	43
Азия	12	51–53	30	24
Северная Америка	5	56–49	17	21
Южная и Центральная Америка	14	25–27	4	3
Ближний Восток	13	8–9	4	3
Африка	13	10–13	3	2
СНГ	14	18–18	3	2

*Отношение внутрирегионального экспорта к его общему объему.

Источник: составлено по www.wto.org/english/res_e/world_region_export_12_epd.

Перспектива возвышения периферийного мира вызывает сильнейшую тревогу в развитых странах. Особенно озабочены США возможностью потери своего лидерства в глобальной экономике, роли гаранта мирового порядка. В августе 2011 г. специалист в области финансов и торговли Реймонд Дж. Ахерн в докладе Конгрессу США утверждал: «Баланс экономических сил сдвигается в сторону нескольких больших быстрорастущих развивающихся стран... эти изменения вызваны развитием экономической интеграции и взаимозависимости, особенно в производственных и сбытовых сетях, участниками которых становятся все больше новых стран»³. Согласно расчетам Ахерна, при измерении мирового ВВП по паритету покупательной

3. *Raymond J. Ahearn*. Rising Economic Powers: Trends and issues for Congress. www.fas.org/sgp/crs/musc/R41969.pdf.

способности доля ОЭСР в 1990 г. составляла 62%, других стран – 38%. В начале первого десятилетия нашего века доли двух групп стран примерно сравнялись, а в 2030 г. это соотношение будет: ОЭСР– 43%, другие страны – 57%.

Во внешней торговле развитый сектор пока сохраняет первенство, но оно ненадежно. Продолжающаяся тенденция снижения его доли в мировом ВВП и международной торговле в сочетании с усилением соперничества за природные ресурсы, очевидно, увеличит частоту и масштабы экономических кризисов, роль геополитических факторов в их разрешении.

Перенасыщение внутренних рынков и деиндустриализация в связи с массовым переносом промышленного производства в периферийные регионы становятся серьезным тормозом экономического роста развитых государств. В стремлении исправить положение широко применяются не только экономические инструменты, но и влияние в международных организациях и геополитические методы воздействия. В целом, геополитическая стратегия развитого мира предусматривает создание условий для формирования в XXI в. *нового миропорядка, опирающегося на три мегаструктуры: НАТО и два находящиеся в разработке экономических проекта — трансатлантическое и транстихоокеанское партнерства.*

Оба океанских проекта являются межрегиональными. В принципе ВТО допускает возможность функционирования таких торговых организаций, предусматривающих определенные преференции для их участников при условии соблюдения ими общепринятых правил и норм. Это новое звено мировой торговой системы вписывается в приведенную выше схему «глобализм – межрегионализм – мегарегионализм – регионализм – национальное хозяйство – локальное образование» при условии, что соблюдается требование статьи XXIV Устава ГАТТ-ВТО⁴. Эта статья требует, чтобы создание интеграционного объединения не ухудшало уже сложившихся условий торговли его участников с другими странами. Соблюдение этих условий особенно важно при создании таких гигантских проектов, как Трансатлантическое инвестиционное и торговое партнерство (ТИП) и Транстихоокеан-

4. См. статью XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле, а также Договоренность о толковании статьи XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле.

ское торговое партнерство (ТТП), где сосредоточена бóльшая часть производства ВВП и объема мировой торговли.

Оба проекта находятся на стадии обсуждения и подготовки к началу переговорного процесса. Поэтому их оценку приходится проводить только на основе отдельных информационных сбросов, но их уже достаточно для понимания природы проектируемых интеграционных группировок. По сути дела, *предпринимается попытка провести еще один водораздел между центром и периферией с помощью различных моделей межрегиональной интеграции.*

Трансатлантический проект, в котором ключевая роль отведена ЕС и НАФТА, создается без участия России и хоронит идею единой Европы «от Лиссабона до Владивостока» – возможного конкурента и партнера Западного полушария. Строится еще один недружественный рубеж на Евроазиатском континенте. Не лучше выглядит и проект Транстихоокеанического партнерства (ТТП). Неучастие Китая и России исключает бóльшую часть территории Азиатского континента из интеграционного сотрудничества, грозит разрушением сложившейся системы взаимодействия в мегарегионе АТЭС⁵.

Реализация трансокеанических проектов будет проходить на фоне новых трендов в мировом хозяйстве. Формируются на обширных территориях крупные экономические регионы. Процесс этот неоднороден. В Европе и Северной Америке – наиболее развитых регионах мира – экономическая консолидированность снижается, а в периферийных регионах (за исключением СНГ) происходит ее рост (см. табл. 2). Здесь укрепление регионального звена необходимо, так как «возросший спрос региональных, а не внешних рынков может помочь снижению уязвимости к внешним шокам»⁶. Хотя консолидированность рынков периферии несколько возросла, она все же слишком низка. В рамках маломасштабной экономики (воздействие и наследство

5. См. подробнее: Независимая газета, 22 апреля 2015. С. 8. Парадоксы Трансатлантического партнерства; НГ, 27 февраля 2015. С. 5. Транстихоокеаническое партнерство: цели, вызовы и перспективы; НГ, 23 марта 2015. С. 5. Транстихоокеанская торговая сделка: мало выгод, много вопросов; НГ, 20 апреля 2015. С. 9. Обама не хочет, чтобы правила в глобальной экономике писал Китай; НГ, 20 января 2015. С. 5. Особенности позиции США в переговорах о преференциальных торговых соглашениях. Мир перемен. 1. 2015. С. 120–134.

6. The Oxford Analytical Brief of January 21. 2010.

фрагментации) странам среднего и низкого уровня развития крайне трудно организовать современное промышленное производство, получить доступ к новым знаниям и технологиям, сформировать средний класс – основного потребителя продуктов, технологий и знаний нового уклада. Сотрудник Университета Бостона Дж. Геринг утверждает, что консолидированность, экономическая «плотность» территории («connectivity») является ключевым фактором развития, так как прослеживается позитивная корреляция между этим показателем и темпами экономического роста. В подтверждение приводятся возникающие при этом такие процессы, как передача знаний и производственного опыта, стандартизация, сближение и однотипность регулирования, цивилизационная и языковая общность, снижение стоимости трансграничных операций, мобильность рабочей силы. Происходящее при этом усиление позиций государства препятствует различным интересам диктовать свою волю всему обществу⁷.

Одновременное сосуществование двух разнонаправленных процессов – глобализации и усиления позиций государства – неожиданно привело к реанимации Вестфальской системы, которой глобальные теоретики предрекали тяжелую болезнь или даже недолгую жизнь. Экономическая потребность и трудности защиты суверенитета малоразмерными политическими структурами подняли роль регионов. Возникли новые парадигмы и концепции региона: он рассматривается теперь не только как сосредоточение природных ресурсов, населения, производство товаров и услуг, «но и как субъект экономических отношений, носитель особых экономических интересов»⁸.

Расширяется сфера региональной деятельности: размещение инноваций, телекоммуникаций и компьютерных систем, развитие промышленно-технологических комплексов, региональной физической и нематериальной инфраструктуры, взаимодействие с другими регионами. Пространственное размещение экономики основывается на теории полюсов роста, которые могут принимать форму свободных экономических зон, технополюсов, технопарков⁹.

7. *Gering John*. Connectivity: A Keg Factor in International Development? <http://peoplebu.edu//gering/documents/Connectivity.pdf>.

8. Экономические регионы, any-cook.org/download/14960.html.

9. Экономические регионы, any-cook.org/download/14960.html.

Теоретические региональные исследования сосредотачиваются на трех направлениях:

- ✓ прогнозы соотношений доходов на душу населения в разных временных периодах – сближение или расхождение;
- ✓ анализ влияния внешнеэкономической ориентации (вовнутрь или во внешний мир) на экономический рост региона;
- ✓ оценка роли пространства (размера) территории на формирование регионального рынка рабочей силы¹⁰.

Совокупное действие рассмотренных выше факторов позволяет идентифицировать регион и сравнивать его с другими регионами. Голландский исследователь Кииз Терлоу, определяя место региона в системе международных отношений, назвал его связующим звеном между страновыми экономическими комплексами и глобальной конкуренцией¹¹. Беннет Колланз утверждает: «...регион определяется не только как географическая единица, но и как социальная система с налаженным сотрудничеством в ряде сфер (безопасность, экономика, культура) и/или как действующий субъект с четкой идентификацией»¹².

Одной из характеристик регионализма является его высокая динамичность. За три четверти века он трижды трансформировался:

- 1945–1970 – классический регионализм;
- 1970–1990 – ревизия классического регионализма;
- 1990–2000 – новый регионализм;
- 2000 – сравнительный регионализм¹³.

Реакция на глобализацию не ограничивается региональным уровнем, его потенциал недостаточен для поддержания приемлемого баланса интересов в отношениях с глобальными акторами. Возникает потребность в создании еще одного звена в системе международных экономических отношений

10. *Casey J. Dawvins*. Regional Development Theory: Conceptual Foundations, Classic Works, and Recent Developments.

11. Regional Identity: Communicating Regional Identity between National Identity and Global Competition. [http://www.ebe.ac.uk/collections/ASEN/Conference Papers/Trellis 9626 Resealing 9620 Identity.pdf](http://www.ebe.ac.uk/collections/ASEN/Conference%20Papers/Trellis%209626%20Resealing%209620%20Identity.pdf).

12. *Bennet Collins*. Does Regionalism Challenge Globalization or build upon It? <http://www.e-ir.info/?=4764>.

13. Philipp de Lombarde and Fredrick Soderbaum Regionalism. SSRN SSAGE Publication London 2013. <http://ssrn.com/abstract=2383104>.

– интеррегионализма. В качестве примера можно привести одну из таких структур – Азиатско-Европейские встречи (ASEM)¹⁴. «Классическим» воплощением интеррегионализма являются, в случае их реализации, два трансокеанических проекта, грозящие радикально изменить геополитическую и геоэкономическую картину мира. Масштабы деятельности структур формата «интеграционное объединение одного региона, территориально не связанного с объединением другого региона», настолько велики, что они могут оказывать влияние не только на страны и регионы, участвующие в интеграции, но даже на глобальные финансы, торговлю товарами и услугами, рынки рабочей силы. Поэтому возникает проблема соотношения управления – функционирующими и готовящимся к созданию – мегаструктурами с другими игроками глобального, регионального и странового уровней. Такие инструменты пока не созданы и возникают опасения, что их разработка столкнется с огромными трудностями. Внешне оба трансокеанических проекта облачены в экономические одежды, но их задача не только (и не столько!) обеспечение экономических интересов и получение выгод, сколько достижение геополитической цели – сохранения однополярного мира под гегемонией США.

В результате воздействия двух разнонаправленных процессов – глобализации и фрагментации – структура мировой экономики намного усложнилась, многократно увеличивается число хозяйствующих субъектов и органов управления страновыми, региональными и глобальными процессами. Учащающиеся мировые кризисы говорят о неспособности применяемых методов обеспечить устойчивое развитие мира. Поэтому в обозримой перспективе повысится роль геополитических и геоэкономических факторов в решении экономических проблем всех уровней, что, в свою очередь, сделает экономическое развитие еще менее устойчивым и предсказуемым.

14. *Gaens B. and Jokala J.* Interregional relations and legitimacy of Global Governance. The case of the Asia – Europe meeting (ASEM).

Глава II. Евразийское экономическое пространство в контексте мирового опыта

Два разнонаправленных процесса – глобализация и фрагментация – определяют пространственное размещение хозяйственной деятельности по территории региона. Первый институтируется в формате мировых финансовых рынков, ТНК, различного рода международных сетей, второй – в различных формах организации и управления экономической деятельностью региона. В современных условиях важнейшими факторами, определяющими положение региона в мировом хозяйстве, является уровень развития региональной экономической интеграции и степень связанности участников хозяйственной деятельности.

Российские исследователи И. Гурова и М. Ефремова¹⁵ в статье «Конкурирующие теории региональной экономической интеграции: сравнительный анализ» предлагают вести анализ по двум направлениям:

- ✓ интеграция в целях эффективного развития рыночной экономики;
- ✓ интеграция в целях развития.

Первое – рыночная идеология, либерализация, рыночное регулирование, ВТО. Второе – теория эволюционного развития, учет процессов в сферах производства, технологий и инвестиций, ЮНКТАД.

По мнению авторов статьи, евразийское пространство крайне слабо использует потенциал региональной интеграции, поэтому «... в настоящий момент условиям евразийской экономической интеграции в большей степени соответствует динамичный подход – интеграция в целях развития».

Цитируемый выше британский исследователь Вальтер Мэттли в работе «Сравнительная региональная интеграции: теоретические разработки» предлагает вести анализ видов региональной интеграции на основе трех теорий – неофункционализма, влияния внешней среды и контрактного права¹⁶.

15. Власть, № 8, 28.08.2013.

16. *Walter Mattli*. Comparative regional integration: Theoretical Developments. The Oxford Handbook of the European Union 2012.

Представляет интерес предложение российского исследователя С.К. Песцова о подходе к оценке эффективности интеграционных проектов. Он считает, что эффективным может считаться модель региональной экономической интеграции, способная к развитию в долгосрочной перспективе, т.е. она должна быть долгожителем. «В качестве одного из возможных критериев эффективности (успешности) групповых объединений... может выступать срок активной жизнедеятельности (подчеркнуто нами. – Л.З.), продолжительность которого свидетельствует о прочности и устойчивости складывающихся взаимосвязей»¹⁷.

К предложенным выше подходам, очевидно, следует добавить еще два критерия – условия, при которых возможен старт региональной интеграции, и условия, обеспечивающие его успешное развитие в долгосрочной перспективе. Необходимость подобного подхода подсказана мировым опытом. ВТО нотифицировала порядка 600 региональных торговых соглашений, но половина из них не функционирует, а в подавляющем большинстве действующих группировок внутренняя консолидированность настолько низка, что исключает положительное интеграционное движение, оставаясь лишь методом сближения условий торговли и защиты от неблагоприятных внешних воздействий.

Применение предложенных критериев и показателей позволит анализировать развитие региональной экономической интеграции как растянутый по времени процесс и фиксировать степень его продвижения к декларированным целям.

Используемые в настоящее время оценки региональной интеграции на евразийском пространстве отражают прежде всего текущее состояние экономики стран-участниц и в меньшей степени динамику самого интеграционного процесса и его влияния на региональную экономику.

Наступление новой волны экономических неурядиц после 2013 г. требует повышения роли региональной интеграции в обустройстве территории международных экономических регионов. Возникновение регионального звена в системе международных экономических отношений является реакцией на очередную вал глобализации, когда отдельные страновые экономики

17. См. автореферат докторской диссертации С.К. Песцова «Международный регионализм: сравнительный анализ теорий и практики регионального сотрудничества и интеграции». СПб, 2004.

не могут выступать в качестве симметричных партнеров глобальных процессов. Международный экономический регион – это группа стран часто, но не всегда, связанная общей территорией совпадающими или близкими интересами и проблемами (включая вопросы безопасности), цивилизационными, культурными и языковыми ценностями, историческим опытом. Институционально формат таких образований многообразен: обычно они имеют четкое ядро – региональное интеграционное объединение и общие региональные институты.

Политика развитого центра, использующего глобализацию в собственных интересах, сыграла с ним злую шутку. Сама природа глобализма антицентрична: он не может успешно развиваться без масштабного взаимодействия с развивающейся периферией, часть которой вырывается из тупика догоняющего развития.

Мы становимся свидетелями возникновения и укрепления нового явления – региональной идентичности. Ее природа многогранна: с одной стороны, она консолидирует позиции региона по отношению к глобальным структурам и процессам, а с другой – формирует максимально возможный бесконфликтный комплекс региональных интересов разного рода – этнических, государственных, конфессиональных, языковых, образовательных, региональной безопасности. В то же время осознание региональной идентичности способствует стабилизации многополярного мира, снижая вероятность возрождения однополярности и доминирующих биполярных структур. Еще более сложная ситуация складывается в ЕАЭС – проекте с большим внутренним и внешним потенциалом. Его стартовый период совпал с конфликтной ситуацией в Украине, санкциями Запада и новой волной мирового экономического кризиса. Реакция постсоветского пространства на глобальные вызовы, наряду с общими характеристиками для периферийных регионов, имеет ряд существенных отличий.

Во-первых, советские республики представляли собой части единого народнохозяйственного комплекса, т.е. их экономическое взаимодействие было более тесным, чем на самых высоких ступенях межгосударственной интеграции.

Во-вторых, Советский Союз (и СЭВ в целом) поддерживали постоянные отношения с большой группой развивающихся государств, оказывая им экономическую помощь и техническое содействие. В конечном счете, в ми-

ровом хозяйстве сформировалось специфическое направление международного разделения труда, обеспечивавшего взаимную выгоду участникам с различным уровнем экономического развития. К сожалению, пренебрежение накопленным опытом не позволило использовать этот ресурс в интеграционном строительстве на постсоветском пространстве.

В-третьих, у руководства России и ряда других стран СНГ возникла иллюзия, что эти особенности и опыт международного сотрудничества государств с различными уровнями развития и социальным устройством дадут возможность сравнительно легко и безболезненно реформировать постсоветское пространство в принципиально иной глобальной среде. К сожалению, несмотря на неудачу ускорения всех предыдущих интеграционных проектов, у части руководства России и других стран ПП сохраняется надежда на возможность продолжения подобного подхода. При этом не принимается во внимание тот факт, что в условиях нерешенных проблем переход к Таможенному союзу и ЕАЭС многократно увеличивает как количество, так и масштаб подлежащих решению задач.

В-четвертых, не был тщательно изучен мировой опыт регионализации и региональной интеграции: интеграционный процесс возникает и развивается в периоды сравнительно устойчивого экономического роста и улучшения политических, культурных и других региональных связей, тогда как в СНГ он был инициирован в период начавшегося распада очень крупной и сложной государственной структуры, разрыва межреспубликанских хозяйственных связей и серии конфликтов, кульминацией которого стала гражданская война в Украине.

Эта специфика, на наш взгляд, служит главной причиной череды неудач проектов консолидации евразийского пространства (регионализации) и формирования на нем интеграционных структур (регионализма).

Определенные трудности на пути региональной интеграции связаны с конфигурацией и историей ПП – наличием большой группы небольших и средних по размеру стран и одной очень крупной, территория и экономический потенциал которой намного превышает суммарные показатели остальных стран региона, а также с традиционно сложившейся системой управления (абсолютная монархия, руководящая роль КПСС, авторитаризм).

Интеграционные проекты подобной конфигурации могут формироваться на основе успешного развития государства – регионального лидера,

привлекательности его емкого рынка, финансовых и технических возможностей для других участников. В 90-е годы прошлого века такие условия на постсоветском пространстве отсутствовали. Более того, элиты (часто и руководители) испытывали аллергию на Россию – правопреемницу Советского Союза из-за искажений национальной политики и массовых репрессий, проводившихся в советские времена.

Интеграционные группировки со страной-лидером отличаются рядом особенностей по сравнению с объединениями группы национальных экономик, близких по размерам и уровням развития. Они с опаской относятся к наднациональным механизмам регулирования, принятию обязывающих условий, к единой внешнеэкономической политике, боясь растворения и даже поглощения более мощной экономикой соседа, потери национальной идентичности. Исключительно важную роль играет последовательная и взвешенная политика страны – регионального лидера и его международная конкурентоспособность.

За два десятилетия Россия неоднократно меняла отношение к организации постсоветского пространства, предлагая широчайший спектр проектов, включающий (без соблюдения последовательности, преемственности и учета наличных ресурсов) все стадии межгосударственной интеграции. Возникла парадоксальная ситуация: на государственном уровне провозглашалась приоритетность отношений со странами ПП, а их естественные шаги по укреплению своей международной конкурентоспособности воспринимались российскими СМИ и общественным мнением (да и в правительственных кругах) как недружественные.

Подобные колебания и неопределенность в сочетании с уменьшающейся привлекательностью России как эффективного организатора экономического пространства СНГ, источника технологических, финансовых и интеллектуальных ресурсов, производственного опыта и образца социальной справедливости существенно снижают интеграционные возможности региона (табл. 3).

Каковы же итоги первых двух с половиной десятилетий существования ПП в новом государственном, политическом и социальном формате? Главный вывод – экономическое пространство региона остается фрагментированным, отдельные очаги субрегиональной интеграции пока не способны преодолеть внутренние центробежные силы и внешние влияния. *В обзору-*

мой перспективе вариант организации экономического пространства региона в полном формате пока не просматривается.

Таблица 3

Рейтинги международной конкурентоспособности стран СНГ

Страны*	Индексы конкурентоспособности				
	2005	2007	2009	2011	2013
Азербайджан	69	66	69	55	46
Армения	79	93	97	92	85
Казахстан	61	61	66	72	51
Киргизия	116	119	127	126	127
Молдова	82	97	95	93	87
Россия	75	58	51	66	67
Таджикистан	104	117	116	105	105
Узбекистан	-	62	-	-	-
Украина	84	73	72	82	73
Страны Балтии (для справки)					
Латвия	44	45	54	64	55
Литва	43	38	44	44	45
Эстония	-	27	32	33	34

Источник: World Economic Forum. Global Competitiveness Report, Geneva, Switzerland за соответствующие годы.

* Белоруссия и Туркменистан не включены в данное исследование.

Консолидирующий и интеграционный потенциал ПП в сложившихся условиях ослабевает. За период с 1995 по 2007 г. (докризисный) доля внутрирегионального экспорта сократилась в 1,5 раза – с 28,4 до 18,9% при одновременном росте доли СНГ в мировом экспорте в 1,48 раза – с 2,5 до 3,7%¹⁸.

В дальнейшем, до кризиса 2014–2015 гг., он оставался примерно на том же уровне, а после событий в Украине начал снижаться. Это ухудшение совпало по времени с подготовкой и стартом нового проекта интеграции в Евразии. Сложившийся уровень экономической связанности, судя по мировому опыту и опыту постсоветского пространства, может обеспечить старт и дальнейшее вялое развитие интеграционного объединения, но его недоста-

18. Рассчитано по: World Trade Developments и Содружество Независимых Государств: Стат. сб. за соответствующие годы; Мир перемен. № 1. 2012.

точно для создания в Евразии центра экономического развития, способного вовлечь в активное интеграционное движение всю территорию региона.

Поэтому в ближайшие годы следует определить необходимые условия для максимально возможного увеличения емкости внутрирегионального рынка с тем, чтобы в долгосрочной перспективе превратить регион в одно из системообразующих звеньев мирового хозяйства. Главное различие между системообразующими и «ведомыми» регионами заключается в способности первых опираться преимущественно на внутренние ресурсы и свой региональный рынок, участвуя в качестве субъекта международных экономических отношений. «Ведомые» регионы отличает слабая внутренняя связанность (connectivity), сильная внешнеэкономическая ориентация и зависимость от внерегиональных ресурсов и партнеров.

По нашему мнению, системообразующей может считаться территория, способная преодолеть интеграционный порог, поддерживать процесс региональной интеграции и укреплять позиции региона в международном разделении труда¹⁹.

Подобным требованиям отвечают четыре международных региона: Европа (2,7 в 2005 и 2,23 в 2012), Азия (1,04 и 1,18 соответственно), Северная Америка (1,27 и 0,98), Южная и Центральная Америка (0,33 и 0,37). Характерно, что США и Западная Европа в международной торговле делают упор на рынки за пределами своей территории, а Азия, Центральная и Северная Америка укрепляют экономическую связанность путем повышения емкости собственных внутренних рынков. Прослеживается и другая закономерность. Позиции в мировом экспорте коррелируют с уровнем внутренней консолидированности региона: первые четыре самых консолидированных региона заняли первые четыре позиции в мировом экспорте. Эти регионы являются флагманами интеграционных движений современного мира.

19. Интеграционный порог достигается, когда экономическая связанность между партнерами составляет не менее 25% общего объема их экспорта (товарооборота). В экономической литературе принято считать, что подобный уровень связанности создает взаимную заинтересованность в поддержании и развитии стабильных отношений. При таком подходе интеграционный порог равен $(25 : 75) = 0,33$.

См.: *Micbaely M.* Trade Preferential Agreements in Latin America: An-Ante Assesment // Policy Research Working Paper No. 1538. World Bank. 1966; *Martin J.K., Tsangarides C.* Trade Reform in the CEMAK: Developments and Opportunities // IMF Country Report No. 06/309. Washington D.C.: IMF. 2006.

Остальные три региона – Ближний Восток, Африка и СНГ – пока не достигли интеграционного порога. Первые два региона за рассматриваемый период несколько повысили внутреннюю связанность, а в СНГ она оставалась до 2013 г. на уровне 18%, а после событий в Украине существенно снизилась. Низкий уровень связанности, слабая региональная инфраструктура, низкий уровень и односторонность развития – главные препятствия на пути к интеграции и идентификации этих регионов в качестве системообразующих структур мирового хозяйства.

Возникает вопрос, возможна ли интеграция в регионах со слабой внутренней связанностью и не достигших интеграционного порога. Мировая практика дала на него положительный ответ и объяснила причины внешне кажущегося противоречия. Дело в том, что региональная интеграция не является чисто экономическим процессом. Во-первых, решение дать старт интеграции принимают политики и исполнительная власть; во-вторых, принять такое решение становится возможным при наличии поддержки значительной части общества будущих партнеров (социальный фактор); в-третьих, мотивация к объединению опирается на исторический опыт общения и культурно-цивилизационные связи; в-четвертых, потребность в укреплении национальных геополитических позиций экономик региона.

Периферийные страны, опираясь на перечисленные выше соображения, начали интеграционные движения. Низкий и/или средний уровень развития порождает характерную черту их интеграции: для создания крупного регионального объединения обычно необходима инициатива страны, экономический потенциал которой существенно превышает потенциал любого другого участника и часто – даже совокупный потенциал последних.

На эту особенность обратила внимание Диана Тассие²⁰. Она отмечает, что часто один из участников определяет процесс в регионе и делает это не только для сохранения своих лидирующих позиций, но и для создания глобального прецедента. Возникает проблема формирования нового баланса интересов между лидером и другими региональными участниками.

В настоящее время процесс региональной интеграции распространился практически на все периферийные регионы. К числу наиболее крупных

20. *Diana Tussie*. Latin America: contracting motivations for regional projects. Review for International Studies. Vol. 35. Supplement 51, February, 2009, pp. 169–188.

относятся Меркосур в Латинской Америке, АСЕАН в Юго-Восточной Азии, СААРК в Южной Азии, ЕАЭС – на стыке Европы и Северной Азии, в Африке к югу от Сахары ЮАР объединил несколько небольших стран. Анализ деятельности этих структур позволяет сделать важные теоретические и практические выводы.

Регионы с низкой внутренней связанностью экономики и слабо развитой региональной инфраструктурой способны запустить интеграционный процесс и обеспечить работу созданного объединения на начальной стадии его жизни. Начальной стадией мы считаем период вступления в силу межгосударственных соглашений об интеграции и перевод экономического взаимодействия стран-участниц в интеграционный режим. Содержание начального периода – постепенный переход от доминирования межгосударственных инструментов регулирования (ручное регулирование «сверху») к инструментам реализации экономических интересов субъектов хозяйственной деятельности (регулирование «снизу»).

При достижении интеграционного порога складывается приемлемый баланс между двумя уровнями регулирования экономики в рамках интеграционной группировки. Совершенствование этого баланса открывает дорогу к переходу на следующий этап интеграции – созданию современной региональной инфраструктуры и региональных производственных мощностей для повышения внутренней связанности и подключения к глобальным сетям. Пока из крупных интеграционных структур в Азии завершить начальный период удалось только АСЕАН, объединившего десять стран Юго-Восточной Азии. Сейчас его значение составляет порядка 0,37.

Аналитики вяло текущего интеграционного процесса в периферийных регионах называют массу причин, но крайне редко эту, хотя, по нашему мнению, она должна быть выделена как одна из главных. Южная и Центральная Америка достигла в 2005 г. уровня интеграционного порога, когда соотношение внутреннего экспорта к его общему объему составило 0,33, а затем, перешагнув его, вышла в 2012 г. на уровень 0,37. Ориентировка на временные периоды выхода на интеграционный порог этих двух регионов (примерно два десятилетия) возможна по отношению к объединениям, в которых партнеры сравнительно гомогенны. По отношению к периферийным группировкам с четко выраженным, экономически мощным лидером нужно искать другие критерии достижения порога, так как здесь решающую роль

играет положение в стране-лидере, его геополитические и геоэкономические интересы.

Попытки в этот период решать задачи, адекватные следующему этапу интеграции, могут привести к очередной серии интеграционных разочарований.

Каковы же реальные перспективы организации экономического пространства Евразии в осложнившейся геополитической и геоэкономической обстановке?

Главная задача начального периода ЕАЭС (и всего региона) – добиться опережающего роста внутрирегиональной торговли, кооперации, инвестиций, других форм экономических связей, создание современной региональной инфраструктуры, т.е. необходимых условий для формирования жизнеспособного международного экономического региона на территории Евразии.

В документах об ЕАЭС и ЕЭП сделан упор на развитие интеграционного процесса, создание в регионе центра экономической мощи, способного сформировать современный международный экономический регион. Одной из причин неудач серии попыток наладить интеграционное движение на ПП была недооценка важности четкого определения задач стартового периода и момента, когда он заканчивается, открывая возможность перехода к основной стадии интеграции.

С помощью каких механизмов, институтов, практических действий и проявлений политической воли участниками экономических процессов можно добиться максимально возможного включения регионального потенциала Евразии в формирование и развитие конкурентоспособного международного региона? Остановимся на некоторых ключевых проблемах.

Оптимальным решением для начального периода является зона свободной торговли в рамках СНГ с интеграционным центром в формате ЕАЭС. В пользу подобного формата говорит мировой опыт: все устойчивые крупные интеграционные структуры обладают внутренним рынком объемом от 300 до 600 и более миллионов потребителей. Подобный объем позволяет осуществлять как серийное индустриальное производство, так и продуцировать материальные, финансовые, научные и образовательные ресурсы, необходимые для инновационно-технологического развития и создания международного экономического региона, опирающегося преимущественно на

внутренние возможности саморазвития. В случае невозможности сформировать подобную интеграционную конструкцию недостаточная емкость внутреннего рынка может быть частично компенсирована путем создания торгового блока (ов) или двусторонних отношений с внерегиональными партнерами.

Ситуация в Украине и Молдове, некоторых других странах СНГ не позволяет реализовать в полной мере внутренний потенциал региона: увеличение емкости производственного и потребительского рынков придется осуществлять за счет региональной ЗСТ и двусторонних соглашений о сотрудничестве с такими странами, как Вьетнам, БРИКС, некоторыми другими. При этом будет крайне важным не проявлять излишней поспешности в погоне за краткосрочным эффектом.

Вторая группа проблем евразийской интеграции связана с необходимостью достижения Россией экономической самодостаточности, ее превращением не только в лидера региональной интеграции, но и в центр развития всего региона. До восстановления в России своего промышленного сектора, проведения последовательной политики импортозамещения и освоения новых технологий интеграция в Евразии не сможет получать устойчивых импульсов развития.

Традиционная модель евразийства – связка «Восток – Запад» – на фоне ситуации XXI в. теряет свой смысл. Моделью позиционирования Евразии в мировом хозяйстве становится связка «Запад – Евразия – Восток». Чтобы стать в новой связке, хотя и «асимметричным», но субъектом триады, России необходимо участвовать в новой связке не только индивидуально, но и как лидеру регионального интеграционного объединения. Задача весьма трудная и требующая многих усилий и времени.

Запад, прежде всего США, продолжит политику неприятия объединительной идеи на евразийском экономическом пространстве без своего доминирующего участия. Збигнев Бжезинский утверждает: «Только Европа, все более самоорганизующаяся в форме Европейского союза, обладает потенциальными политическими, военными и экономическими возможностями совместно с Америкой решать задачу (углубления) и расширения трансевразийского сотрудничества²¹».

21. Цит. по: Независимая газета. Exlibris. № 25. 8.06.2006.

В 2014–2015 гг. идеологическая демонизация России дополнилась экономическими санкциями, стремлением изолировать ее от мирового сообщества. Ответная реакция должна включать меры среднего и долгосрочного характера. При их разработке необходимо просчитать все варианты. По нашему мнению, самым неблагоприятным для России может стать попытка США повторить по отношению к Украине нечто подобное «плану Маршалла» для Европы или инвестициям в экономику Японии и Южной Кореи. Нынешняя ситуация в мире не очень располагает к осуществлению столь масштабного проекта, но исключить обращения к проверенному историей методу воздействия на соперничающую сторону нельзя. Поэтому меры противодействия даже менее опасным вызовам должны включать механизмы и инструменты, способные адекватно реагировать на худшие варианты развития событий.

Наибольший эффект противодействия попыткам дальнейшего разрушения евразийского экономического пространства может быть достигнут путем приоритетного развития двусторонних экономических отношений между Россией и Китаем, многостороннего в рамках ШОС по вопросам безопасности, подключения к проектам вокруг Шелкового пути на двусторонней основе, а также в рамках ШОС, ЕАЭС и БРИКС. Особое внимание следует уделить использованию транзитного потенциала стран ЕАЭС в сухопутных и морских коридорах Европа – Азия.

В европейском направлении до отмены санкций целесообразно использовать заинтересованность отдельных стран ЕС в поддержании нормальных отношений с Россией. Ближайшая задача послесанкционного периода – восстановление досанкционных объемов взаимной торговли и инвестиционной активности.

Происходящие в мире и Евразии изменения на рубеже тысячелетий заставляют вернуться к вопросу о содержании евразийской идеи в новом миропорядке.

Традиционное евразийство, применяя современную терминологию, было явлением регионального уровня, противопоставлявшего Северную Азию Западу и Центру Европы, православие – католицизму и протестантизму. Толерантные представители традиционного евразийства, противоп-

ставляя себя Западу, допускали и возможность определенного сотрудничества с ним²².

Неоевразийство рассматривает себя противником глобализма, «демократической империей» – Периферией, противостоящей развитому Центру. В манифесте Международного Евразийского Движения «Евразийский Общий Дом» говорится, что евразийский диалог – отражение человеческой культуры. Иначе говоря, неоевразийство подобного рода выходит не только за региональные, но и за континентальные границы²³. Огромный вклад в теорию и практику современного евразийства внес Нурсултан Назарбаев.

Традиционные и постсоветские идеи евразийства исходят из сохранения целостности территории Евразии²⁴. После распада Советского Союза единство территории нарушено: на нем расположены 15 новых независимых государств, несколько непризнанных государственных образований, рвущиеся из СНГ в Евросоюз Украина и Молдова, покинувшая СНГ Грузия. Идет разрушение столпов, поддерживающих традиционное и современное евразийство. Возникает новая трехзвенная конструкция «Запад – Россия, ЕАЭС, СНГ – Восток», по масштабам деятельности и ее содержанию существенно отличающаяся как от традиционного, так и современного евразийства.

Позиционирование России в этой новой конструкции требует переосмысления концепции евразийства при сохранении в ней задачи максимально возможного сплочения евразийского пространства и расширения взаимодействия с Западом и Востоком без потери новой региональной идентичности. Очевидно, придется отказаться от претензий современной концепции евразийства на лидирующую роль региона Евразии в обустройстве мира. Предстоит найти оптимальное, с позиций его интересов, место региона в системе международных отношений и возродить себя в качестве одного из центров экономической и геополитической мощи. Движение в данном направлении отвечает объективным тенденциям мирового хозяйства: создаются условия защиты от однополярного мира и гегемонии одной державы.

22. См. подробнее: Евразия в поисках идентичности. Москва – Санкт-Петербург. Нестор-История, 2011, глава 11.

23. См. подробнее: Евразийская миссия (программные материалы). Москва, 2005.

24. Имеется в виду территория Российской империи, Советского Союза и СНГ.

США не могут смириться с угрозой потери своих доминирующих позиций. Поэтому они препятствуют любым попыткам укрепления связанности евразийского пространства. Хиллари Клинтон заявляет: «Новый СССР может быть создан под новыми названиями – Таможенный союз или Евразийский союз»... Давайте не делать ошибок. Мы знаем, что является целью, и мы попытаемся найти эффективный способ для замедления или предотвращения этого процесса»²⁵.

В складывающейся конструкции, где Китай и Европа станут опорными столпами, слабоструктурированный регион Евразии может стать транзитным связующим звеном. На этой огромной территории возникнет новый международный регион. Для России важно не остаться в новом международном регионе только транзитером. Чтобы избежать подобной участи, России необходимо продолжить политику привлечения колеблющихся стран Евразии, некоторых внерегиональных государств к сотрудничеству. Первостепенной задачей является сотрудничество ЕАЭС с Вьетнамом и Индией. Оба эти государства нуждаются в поддержании роста промышленного производства и его диверсификации, что создает обширную сферу сотрудничества в решении однотипных задач. Кроме того, сближение с этими государствами позволит избежать чрезмерной зависимости от одного из участников триады. Россия и ЕАЭС смогут оставаться субъектом системы международных экономических отношений при условии ориентации как на Восток, так и на Запад Евразийского континента. XXI в. становится свидетелем соперничества двух видов интеграции, где участники и сухопутного, и океанического варианта через глобальные сети и многослойные торгово-экономические альянсы многократно пересекаются.

Появление в мировом хозяйстве новых крупнейших игроков порождено не столько экономическими интересами, сколько геополитическими и геоэкономическими соображениями, что усложняет проблему оценки эффективности участия национальных экономик различного уровня развития в системе международных экономических отношений. В доглобальную эпоху сложилась общепринятая методика оценки каждым государством своих выгод и потерь в режиме его функционирования в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Ситуация начала меняться вместе

25. Newsland. Евразийский союз от Калининграда до Вьетнама.

с прогрессом глобализации, появлением многочисленных региональных интеграционных объединений и Всемирной торговой организации (ВТО). Потребовались новые подходы к оценке эффективности деятельности новых образований – региональных и межрегиональных торговых соглашений. Одни экономические показатели оставляют вне поля зрения ряд сторон жизни таких структур. В крупных региональных и межрегиональных объединениях важную роль играют геополитическая и геоэкономическая составляющая.

Особенно сильно это заметно в региональных интеграционных объединениях, в которых экономический потенциал одной страны превосходит совокупный потенциал всех остальных стран-участников. В таких объединениях каждая страна, как и ранее, прежде всего исходит из своих интересов, но стране-лидеру приходится проявлять инициативу в решении общих проблем объединения, и даже всего региона. Главное требование к лидеру – способность посылать импульсы развития другим участникам интеграции и поясу соседства, не используя при этом доминирующие позиции исключительно в своих интересах. Реальная ситуация современной России не позволяет ей выполнять в полной мере эту функцию, но она останется лидером объединительного процесса в Евразии при соблюдении двух условий: четко определить парадигму собственного развития, во-первых, и предложить на взаимовыгодных условиях сотрудничество с другими странами в программе модернизации регионального экономического пространства, во-вторых.

По иному складываются отношения в региональных группировках, объединяющих несколько стран со сходными экономическими параметрами и цивилизационной близостью (ЕС, АСЕАН). Здесь отсутствие страны-лидера в организации экономического пространства региона восполняется созданием наднационального органа (ЕС) или разработкой программ развития и дорожных карт (АСЕАН), стратегии развития общего экономического пространства группировки и всего региона (АСН)²⁶. На примерно 400 функционирующих дву- и многосторонних региональных торговых соглашений приходится бóльшая (и растущая) часть объема мировой торговли. Это дает основание утверждать, что на мощный натиск глобализма мир, для восстановления нарушенного баланса, ответил встречной волной регионализма.

26. АСН – Asian common Home (Общий дом Азии).

XXI в. будет веком регионализма, формирования нескольких центров развития, широкого применения в мировой торговле национальных валют и расширения их конвертируемости.

Глобализм несколько сдает свои позиции и трансформируется: главными формами проявления этого процесса станет появление новых сетевых цепей – производственных, сбытовых, сервисных, информационно-технологических и др. Сети могут функционировать как в глобальных, так и в региональных системах, поддерживать взаимоприемлемый баланс между ними.

В настоящее время сложилась сложная ситуация с обсуждающимися проектами межрегиональной трансокеанической интеграции. В принципе два трансокеанических соглашения о партнерстве могли бы стать связующим звеном между глобализмом и регионализмом, но уже с первых шагов разработчиков обоих проектов становится ясным, что они озабочены не созданием такого звена, а укреплением позиций развитого сектора мирового хозяйства. Закулисный подход к обсуждению проектов, попытки создать режим ускоренного и упрощенного подхода к их одобрению конгрессом США, скудная дозировка информации об их содержании вызывают критику не только антиглобалистов, но и видных западных ученых.

Нобелевский лауреат Пол Кругман придерживается мнения, что разнородная группа стран, готовящихся к членству в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), вряд ли сможет обеспечить более свободный доступ по сравнению с европейской моделью, и добавляет, что «... нельзя утверждать, что ТТП способно увеличить доходы входящих в него стран более чем на какую-то долю процента»²⁷. Стремление продавить проект объясняется прежде всего интересами США по защите интеллектуальной собственности, патентов и авторских прав. Пол Кругман заканчивает статью «Транстихоокеанская сделка: мало выгод – много вопросов» словами: «Это подводит меня к завершающему вопросу, зачем конкретно администрации Обамы вкладывать какой бы то ни было политический капитал в эту сделку»²⁸. Отсутствие транспарентности пока не дает возможности ознакомиться более подробно с проектом, но уже ясно, что он игнорирует (точнее, грозит раз-

27. Независимая газета, 23 марта 2015. С. 5.

28. Там же.

рушением) АТЭС. Еще меньше мы знаем о проблемах Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства (ТТП).

Сценарии экономического развития России до возникновения ЕАЭС редко предусматривали участие других стран СНГ. Разрыв кооперационных связей с Украиной резко снижает сферу сотрудничества в промышленных отраслях. Поэтому проекты восстановления индустриального потенциала России послекризисного периода, очевидно, должны предусматривать как участие в них партнеров, так и расширение содействия в развитии их экономик и привлечения к участию в крупных международных инфраструктурных проектах. Сложная ситуация ближайших лет не должна стать тормозом экономического взаимодействия. Следует шире использовать возможности российских регионов по развитию отношений с регионами соседних стран, увеличению объемов приграничной торговли, созданию небольших и средних совместных предприятий, кооперационных связей. После выхода из кризиса возникнет возможность перенести акцент на территориально не связанные с Россией страны²⁹.

Как отмечалось выше, возможности России выполнять в полной мере задачу центра экономического развития Евразии в настоящее время крайне ограничены. Это необходимо учитывать, чтобы не повторить ошибок прошлого, когда продекларированные цели интеграции и развития СНГ не были подкреплены материальными ресурсами и реальными интересами. Возникновение сравнительного регионализма (как и другие новейшие тренды в мировом хозяйстве) убеждает, что интеграция стран периферии отнюдь не обязательно должна повторять схему объединения развитых стран. Последние делают упор на освоении внешних рынков за пределами своей территории, а первым, прежде всего, необходимо увеличивать и диверсифицировать производство, укреплять экономическую связанность своей территории. Эти различия должны влиять на выбор модели развития, механизмов и инструментов регулирования экономических процессов объединения и курса по отношению к внешнему миру.

ЕАЭС в сложившемся формате способен к саморазвитию, но его ресурсы пока недостаточны для сплочения всего евразийского региона. Для

29. Эти предложения основаны на исследованиях Центра постсоветских исследований Института экономики РАН.

решения этой исторической задачи он должен привлечь, как минимум, Украину (желательно и Узбекистан). Оптимальным вариантом была бы их готовность к присоединению к Евразийскому союзу, но даже при отказе от прямого членства необходимо искать формы их участия через ЗСТ и/или через систему двусторонних связей в производственных и инфраструктурных программах регионального масштаба. Участие в ряде проектов пояса Нового шелкового, сухопутного и морского пути создаст дополнительные стимулы к привлечению колеблющихся партнеров.

С чего же следует Новой Евразии начать движение к поиску своего места в меняющейся структуре мирового хозяйства?

Некоторые исследователи, отмечая наличие позитивной корреляции между экономической связанностью региона, с одной стороны, и уровнем развития и темпами роста, с другой, считают связанность едва ли не ключевым фактором развития в широком понимании этого термина³⁰. Данное положение имеет особо важное значение для региона Евразии. Страны постсоветского пространства были тесно связаны единой государственностью, идеологией, системой экономического и политического регулирования. Перед регионом стоит задача более сложная – преодолеть драматические последствия развала советской системы по трем направлениям: реанимация рациональных элементов ранее существовавшей региональной инфраструктуры, повышение связанности региона и его позиционирование в мировом хозяйстве в режиме, обеспечивающем возможность саморазвития преимущественно за счет внутренних ресурсов национальных экономик, региональной консолидации и интеграции, присоединении к мейнстриму мирового инновационного и технологического прогресса.

Прежде всего надо выяснить исходные позиции национальных экономик региона в мировом хозяйстве с помощью страновых рейтингов международной конкурентоспособности экономического форума в Давосе. Их достоинство заключается в том, что, наряду со сводными показателями, приводится множество других характеристик состояния различных отраслей национальной экономики, науки, образования, деловой среды, другие каче-

30. *John Gering*. A Key factor in International Development <http://peoplebu.edu/gering/documents/connectivity.pdf>.

ственные и количественные характеристики, представленных в исследовании стран.

Большинство стран постсоветского пространства сумели самостоятельно включиться в мировое хозяйство в качестве ведомых, вынужденно ориентируясь в первую очередь не на потребности национальной экономики и региональный рынок, а на импульсы внешнего мира. При этом характерной чертой национальных экономик региона стала деиндустриализация, высокая чувствительность к внешним шокам, массовая безработица, увеличившееся отставание от группы ведущих стран мира. Слабая позитивная динамика, дефицит материальных и финансовых ресурсов делает перспективы осуществления модернизации в существующем режиме для большинства стран в одиночку весьма призрачными. Следование подобному сценарию грозит дальнейшим размыванием потенциала Евразии как жизнеспособного, системообразующего международного экономического региона. В сочетании с позицией Украины и Молдовы именно это грозит потерей традиционной идентичности евразийского пространства. Противостоять разрушительному тренду станет возможным только после формирования на территории Евразии центра экономической мощи, посылающим импульсы развития в пояс своего окружения. Евразийский Экономический союз институтизировал возникновение столь необходимой структуры.

Особенно следует выделить роль России в создании и эффективном функционировании центра экономического развития на территории Евразии. Россия исторически призвана стать лидером и инициатором объединительных процессов в регионе. Реализовать себя в этом качестве она сможет при условии, что предложит партнерам по региону концепцию и политику модернизации их национальных хозяйственных систем в увязке с модернизационными и инновационно-инвестиционными процессами в российской экономике. В подобной «связке» неизбежные дополнительные затраты бюджета и частные инвестиции из России в странах-партнерах по своему эффекту становятся аналогичными вложениям в экономику России (аутсорсинг, дешевая рабочая сила, приближение к источникам сырья и рынкам сбыта, уменьшение миграционного давления, сокращение транспортных расходов и т.п.).

О масштабах задач по обустройству экономического пространства Евразии и созданию в ней жизнеспособного интеграционного объединения

дают представление данные табл. № 3 – рейтинги международной конкурентоспособности постсоветских стран.

Регион Евразии даже до событий в Украине, внутреннего кризиса в России и санкций Запада крайне слабо участвовал в международных экономических отношениях (например, его доля в мировом экспорте была ниже доли в мировом населении (3 и 4,4% соответственно), а уровень связанности – ниже интеграционного порога, достижение которого создает условия для нормального функционирования начального этапа интеграции. По нашей оценке, для евразийского пространства он должен быть порядка 0,4 (28–29:72–71%). ЕАЭС начал движение к достижению интеграционного порога с позиции (18:82% = 0,12%), что хуже стартового показателя АСЕАН середины 90-х годов (22:78% = 0,28), который только в 2007/2008 г. сумел несколько превысить интеграционный порог – 0,37. Рынок Евразии значительно меньше рынка АСЕАН, поэтому его показатель интеграционного порога должен несколько превышать показатель АСЕАН.

Что касается проблемы позиций Евразии в мировом хозяйстве, то и здесь мы вынуждены констатировать, что регион оказывается одним из наименее связанных среди крупных международных регионов (табл. 4).

Именно поэтому возникает потребность подключения к самостоятельным шагам отдельных стран потенциала региона. Создание СНГ, нескольких интеграционных проектов на территории Евразии отражают эту общемировую тенденцию.

Таблица 4

Доли международных регионов в мировом экспорте, доли внутрирегионального экспорта и экспорта в другие регионы, их соотношение в 2013 г., %

Регионы	В мировом экспорте		Внутрирегиональный		Других регионов		2:3 (раз)	
	1		2		3		4	
	2010	2013	2010	2013	2010	2013	2010	2013
Европа	39	36	71	69	29	31	2,45	2,25
Азия	29	32	52	53	48	47	1,09	1,13
Северная Америка	16	13	49	49	51	51	0,95	0,95
Южная и Центральная Америка	4	4	27	27	73	73	0,34	0,34

Окончание таблицы 4

Регионы	В мировом экспорте		Внутри-региональный		Других регионов		2:3 (раз)	
	1		2		3		4	
	2010	2013	2010	2013		2010	2013	2010
Ближний Восток	4	7	10	10	90	90	0,11	0,11
Африка	3	3	12	16	88	84	0,14	0,19
СНГ, в т.ч.	3	4	22	19	78	81	0,28	0,23
ТС-3 – ЕЭГ	2,7	3,6	11	9,9	89	90,1	0,12	0,11

Примечание: показатели (кроме ТС-3/ЕЭП) в колонках 1,2 и 3 округлены до единицы, а в колонке 4 – до сотых.

Источник: World Trade Developments in 2011 and 2014; Евразийская экономическая комиссия.

К началу 2015 г. показатель связанности евразийского пространства спустился из-за сокращения внутрирегиональной торговли примерно до 0,22-0,25, хотя в 2010 г. – он еще держался на уровне 0,28. Тогда еще были экономические предпосылки для старта проекта интеграции, охватывающего весь регион. Низкий показатель связанности крайне усложняет реализацию старта ЕАЭС. Большинство стран СНГ придерживаются ориентации на внешние рынки, а неотложной задачей евразийской интеграции является формирование емкого внутреннего рынка как важнейшего драйвера экономического роста в интеграционных объединениях слабо- и среднеразвитых стран с отсутствием или недоразвитостью индустриального сектора.

Положение может осложниться в связи с готовностью ряда внерегиональных стран заключить соглашения о ЗСТ с ЕАЭС (тенденция сама по себе положительная). Подобные соглашения, увеличивая рыночный потенциал Евразии, одновременно создают ряд проблем и усложняют систему регулирования внутрирегиональных отношений. ЕАЭС пока способен посылать импульсы развития в немногих сферах, прежде всего в энергоотраслях, оборонной промышленности и некоторых других. Пока неясно, как будут сбалансированы эти два направления. Заключение соглашений о ЗСТ с крупными внерегиональными странами, до упорядочения внутрирегионального торгово-инвестиционного режима и вступления всех участников ЕАЭС в ВТО, может вызвать торговоотвлекающий эффект и тормозить интеграционный процесс.

В ближайшие два-три года ЕАЭС, видимо, должен сосредоточиться на максимальном использовании эффекта от объединения торговых систем участников интеграционного проекта и повышении готовности экономики недавно вступивших стран к совместным действиям по восстановлению индустриального потенциала ЕАЭС. Расширять состав объединения до завершения этого стартового периода вряд ли целесообразно. Нельзя повторять ошибок предыдущих попыток ставить с самого начала амбициозные, невыполнимые задачи, срыв которых приводил к потере веры в саму идею интеграции.

Сейчас трудно определить институциональные рамки последнего проекта интеграции, состав участников, возможные этапы ее углубления, но в любом варианте развития он должен исходить из принципиального положения о том, что евразийское пространство находится в стадии формирования международного экономического региона, который сможет занять достойное место в мировом хозяйстве только путем повышения его внутренней связанности, опережающих темпов роста внутрирегионального рынка.

Началом создания международного экономического региона можно считать момент достижения ЕАЭС интеграционного порога. До этого времени интеграция Евразии, по нашему мнению, будет не столько экономическим, сколько геополитическим и геоэкономическим проектом. Преодоление интеграционного откроет дорогу к переходу регулирования интеграционного процесса на евразийском пространстве от межгосударственного к преимущественно экономическому. Следование подобному курсу будет способствовать устранению опасений некоторых стран, что региональная интеграция движима не столько экономическими, сколько геополитическими целями и экономическими интересами крупнейшего участника проекта.

Глава III. О показателях эффективности региональной экономической интеграции

Эффективность проекта региональной интеграции традиционно оценивается теми же показателями, что применяются по отношению к национальному хозяйству. Подобный подход упускает из виду некоторые характеристики и процессы, возникающие внутри интеграционного объединения и его влияния на внутрорегиональные отношения и отношения с государствами за пределами региона.

Наиболее общий подход к успешности регионального проекта экономической интеграции заключается в оценке, насколько удалось продвинуться к вершине выбранной модели интегрирования. В рыночной модели, приверженцем которой выступает ВТО, это зона свободной торговли, таможенный союз и т.д. до конструкции типа Европейского союза. В моделях «интеграция в целях развития», разрабатываемых под эгидой Организации ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), акцент перенесен на преодоление отсталости, диверсификацию экономики стран – участниц интеграционного проекта. Первая модель типична для развитых стран, вторая – для стран периферии. АСЕАН избрала смешанный вариант, где сбалансированы принципы использования как рыночного потенциала интеграции, так и объединения в целях развития.

Смешанный вариант, близкий к модели АСЕАН, по нашему мнению, более подходит и предыдущим постсоветским моделям евразийской интеграции и ЕАЭС. Современная ситуация, ожидаемые тенденции предстоящего десятилетия вряд ли позволят продвинуть последний интеграционный проект за пределы стартового периода, но он способен реализовать потенциал упорядочения внешнеторговых отношений внутри ЕАЭС, во всем регионе и поясе соседства. Опыт АСЕАН ценен именно связью внутриинтеграционных движений с общерегиональными. В контексте современного миропорядка, как нам кажется, это наиболее продуктивный и возможный путь обустройства экономического пространства Евразии.

Интеграция в сфере производства сможет начаться после первой волны импортозамещения в России, перехода от него к политике реиндустриализации с учетом требований нового технологического уклада и максимально возможного включения в процесс других стран региона и отдельных стран за его пределами. Только заметный прогресс в политике превращения России в центр развития евразийского пространства создаст условия для завершения стартового этапа интеграции и ее дальнейшего движения. С этого момента можно будет опираться на опыт вовлечения АСЕАН в мегарегиональное пространство евроазиатского континента, так как до появления в Евразии собственного центра развития экономическое пространство остается чрезмерно уязвимым к внешним шокам и нуждается в защитных механизмах.

Хрупкость всех постсоветских проектов интеграции (как про-, так и антироссийских) и их развал, маскируемый созданием новых конструкций, требует от исследователей разработки критериев эффективности нового евразийского интеграционного проекта, которые отражали бы как развитие самого интеграционного проекта, так и его влияние на повышение сплоченности экономического пространства Евразии. Создание предложенного инструментария позволит хотя бы ориентировочно определять временной период, необходимый для достижения интеграционного порога и вывода интеграции на уровень экономического интереса.

До завершения реиндустриализации и перехода на инновационный путь развития России превратить ЕАЭС в центр развития Евразии и создать жизнеспособный международный экономический регион не удастся.

Данное утверждение отнюдь не означает отрицание возможности и необходимости определенного прогресса региональной интеграции на евразийском пространстве. В рассматриваемый временной период ее основной движущей силой (и целью!) будут, прежде всего, геополитические соображения и неотложные экономические нужды региона. При этом исключительно важно построить работу ЕАЭС таким образом, чтобы он был способен демонстрировать готовность к сотрудничеству со всеми странами региона, несмотря на сохраняющиеся противоречия и конфликтные ситуации.

Первый (и главный!) критерий регионального интеграционного проекта – прогресс в строительстве международного экономического региона. Применительно к современной Евразии это является основой долгосрочных геополитической и геоэкономической стратегий России и ЕАЭС на ближайшие десятилетия. Без их решения регион не сможет использовать выгоды своего территориального положения между Европой и Азией в качестве значимого субъекта взаимодействия в треугольнике «Европа – Евразия – Восточная и Юго-Восточная Азия».

Второй критерий оценки успешности проекта региональной экономической интеграции – способность функционировать в долгосрочной перспективе, противостоять внешним давлениям и шокам. Говорить о реализации регионального проекта экономической интеграции можно только тогда, когда он докажет способность функционировать в противостоянии, как минимум, двум краткосрочным международным или крупным региональным кризисам (10–12 лет) и одному Кондратьевскому циклу. К сожалению, важность этого показателя недооценивается: первые всплески экономической активности стартового периода, возникающие в результате наведения порядка в хозяйственных связях, часто преподносятся как успех интеграционного проекта. Создание устойчиво функционирующего крупного проекта региональной интеграции занимает период порядка трех десятилетий. Этот период достаточен для строительства региональной инфраструктуры и перехода от среднеразвитости к уровню развитых стран. Понимание долгосрочной природы региональной интеграции не позволит, основываясь на краткосрочных и конъюнктурных показателях, предлагать обществу нереальную картину процесса региональной экономической интеграции.

Первые две характеристики дают ответ на степень продвижения к выбранной модели интеграции и способность новой региональной конструкции функционировать, не теряя внутреннего управления и не изменяя вектора развития, даже в периоды возникновения региональных и мировых кризисов. Однако применение только двух критериев не отражает всей сложности процесса и задач региональной экономической интеграции. Поэтому представляется целесообразным применить еще три показателя.

Третий. Способность повышать экономическую связанность, консолидированность своего интеграционного пространства. Шаг измерения –

рост процентного соотношения внутрирегионального экспорта (оборота), ко всему экспорту (обороту) объединения. По мере развития производственной кооперации возможно проследить соотношение динамики прямых инвестиций внутри объединения к общим инвестициям и/или к инвестициям в регионе.

Четвертый. Влияние на пояс соседства и регион Евразии. Шаг измерения – рост экспорта (оборота), инвестиций, региональной инфраструктуры и внутрирегиональных сетей. Повышение международной конкурентоспособности стран региона и сотрудничающих с ЕАЭС внерегиональных стран.

Пятый. Темпы повышения доли Евразии в мировом ВВП, экспорте (обороте) и других базовых показателях. Шаг измерения – время роста соответствующего показателя на 0,2 – 0,5 – 0,75 – 1%.

Литература

- Евразийская миссия (программные материалы). Москва, 2005.
- Евразийское экономическое пространство: возможности и пределы консолидации // Россия и современный мир. 2010, № 1 (66).
- Евразия в поисках идентичности. Под общей ред. С.П. Глинкиной, Л.З. Зевина. Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011.
- Зевин Л.З.* Антиглобализм в современном мире // Мир перемен, 2015, № 1.
- Зевин Л.З.* О меняющейся архитектуре мирового хозяйства // Общество и экономика. 2014, № 6.
- Зевин Л.З.* Региональная интеграция на рубеже тысячелетий // Мир перемен. 2014, № 2.
- Песцов С.К.* Международный регионализм: сравнительный анализ теорий и практики регионального сотрудничества и интеграции. Автореферат докторской диссертации. СПб, 2004.
- Постсоветское пространство: региональная составляющая экономического роста. Научный доклад. М., ИЭ РАН, 2009.
- Регион СНГ в постоднопольном мире: проблемы организации экономического пространства // Мир перемен. 2011, № 4.
- Роль инфраструктуры в модернизации регионального пространства // Россия и новые государства Евразии. 2013, № 2.
- Ahearn R. J.* Rising Economic Powers: Trends and issues for Congress. www.fas.org/sgp/crs/musc/R41969.pdf.
- Amicably M.* Trade Preferential Agreements in Latin America: An-Ante Assessment // Policy Research Working Paper No. 1538. World Bank. 1966.
- Collins B.* Does Regionalism Challenge Globalization or build upon It? <http://www.e-ir.info/?=4764>.
- Dawkins Casey J.* Regional Development Theory: Conceptual Foundations, Classic Works, and Recent Developments.
- De Lombarde Ph., Soderbaum F.* Regionalism. London: SAGE PUBN. 2013. <http://ssrn.com/abstract=2383104>.

- Gaens B., Jokala J.* Interregional relations and legitimacy of Global Governance. The case of the Asia – Europe meeting (ASEM).
- Gering J.* A Key factor in International Development <http://peoplebu.edu/gering/documents/connectivity.pdf>.
- Gering John.* Connectivity: A Key Factor in International Development <http://peoplebu.edu//gering/documents/Connectivity.pdf>.
- Martin J.K., Tsangarides C.* Trade Reform in the CEMAK: Developments and Opportunities // IMF Country Report N 06/309. Washington D.C.: IMF. 2006.
- Regional Identity: Communicating Regional Identity between National Identity and Global Competition. <http://www.ebe.ac.UK/collections/ASEN/ConferencePapers/Trellis9626Resealing9620Identity.pdf>.
The Oxford Analytical Brief of January 21. 2010.
- Tussie D.* Latin America: contracting motivations for regional projects. Review for International Studies. Vol. 35. Supplement 51, February, 2009.
- Walter M.* Comparative regional integration: Theoretical Developments. The Oxford Handbook of the European Union 2012.
- World Trade Developments и Содружество Независимых Государств: Стат. сборники за соответствующие годы.

Научный доклад

Зевин Л.З.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИИ XXI ВЕКА**

Подписано в печать 19.11.2015 г.
Зак. 36. Тир.100. Объем 1,8 уч.-изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0552-1

9 785994 005521